ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)084.3(571)
DOI: 10.17223/19988613/68/24

Д.Н. Шевелев

ВОЗРОЖДАЯ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕЮ: ИДЕОЛОГИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВОСТОКА РОССИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ, ДИСКУРСИВНОМ И КОММЕМОРАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

На примере восточной контрреволюции рассматриваются основные этапы формирования и трансформации идеологии российского антибольшевистского движения от идейной основы политических программ и политических действий государственных образований эпохи войн и революций до одной из составляющих исторической памяти современного российского общества. Обосновывается необходимость разработки новой исследовательской модели, основанной на объединении двух тематических полей – «идеологии» и «памяти».

Ключевые слова: Гражданская война; антибольшевистское движение; Российское правительство адмирала А.В. Колчака; идеология; историческая память.

В предисловии к изданным в середине 1980-х гг. воспоминаниям одного из участников белого движения приводится отрывок переправленного на Запад открытого письма 22-летнего москвича, адресованного (как он сам пишет) «участникам белогвардейского движения». «Долгие десятилетия советской пропаганды, – пишет молодой человек, – не сумели вычеркнуть вас из народной памяти... молодежь в России видит в вас рыцарей без страха и упрека и считает, что вы боролись не зря... Правда, честь и Россия – были на вашей стороне. Мы жалеем, что вы не победили. Мы не упрекаем вас. Вероятно, вы сделали все, что могли. Мы благодарны вам за это...» [1. С. 6].

«В конце 60-х годов в закабаленной коммунизмом России, – полагал автор воспоминаний, – появилось много признаков, развивающегося подспудно процесса возрождения русского национального самосознания. Одним из таких признаков является стремление третьего и четвертого послереволюционных поколений русского народа к духовному возврату к моральным, общественным, даже политическим ценностям, которые коммунистические властители страны всеми силами стремились уничтожить» [Там же. С. 5].

С высоты нынешнего постзнания легко предположить, что в данном случае мы имеем дело с попыткой эмигрантских авторов преувеличить степень своего влияния в СССР и выдать желаемое за действительное. Тем не менее очевидно другое: выиграв в Гражданской войне на полях сражений, большевики, точнее их идейные продолжатели и наследники, гораздо позднее, на рубеже XX–XXI вв. проиграли в войне информационной, в противостоянии интерпретаций событий 1917–1922 гг., в борьбе за культурную память российского общества.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что идеология и пропаганда антибольшевистского движения как в общероссийском масштабе, так и во всех региональных аспектах в одних случаях оказывалась на удивление беспомощной и малоэффективной, в других – вполне действенной. Белые проиграли тогда, когда от них требовался привлекательный и жизнеспособный социальный проект, и выиграли, когда на первый план вышли символические и эстетические составляющие.

100 лет прошло с момента окончания широкомасштабной Гражданской войны в России, а ее важнейший компонент – политические и мировоззренческие представления одной из основных сторон конфликта – по-прежнему предстает своего рода бесплотной тенью на границе света и сумрака. Поэтому, с одной стороны, довольно сложно уловить и понять природу этой сущности, потому что она постоянно норовит юркнуть во тьму, ускользнуть, замаскироваться под другие объекты и сущности. С другой же стороны, она неизменно напоминает о себе, проявляясь в источниковом материале, исторических контекстах и не укладывающаяся в альтернативные объяснительные модели.

Цель данной работы – на примере восточной контрреволюции выявить основные этапы идеологической динамики российского антибольшевистского движения, обосновать необходимость поиска новых подходов, сочетающих в себе как реконструкцию содержания, форм и практик ее репрезентации, характерных непосредственно для периода Гражданской войны (1918–1920), так и выявление особенностей ее дальнейшего конструирования и трансформации в компонент исторической памяти и дискурсов идентичности российского общества первых десятилетий XXI в.

Для начала попробуем определиться с ключевым для нашего исследования понятием. В дальнейшем под *идеологией антибольшевистского движения* мы будем понимать совокупность политических, экономических, социальных и культурных ценностей и установок, ментальных образов и дискурсивных конструктов, образующих целостную модель, посредством которой его (антибольшевистского движения) последователи воспринимали, осмысливали и интерпретировали окружающую действительность. За прошедшие сто лет идеология антибольшевистского движения претерпела значительную трансформацию. Выделим три основных ее конфигурации:

- идейная основа политических программ и политических действий антибольшевистских государственных образований, лидеров и рядовых участников белого движения;

- компонент самоидентификации различных сообществ и субкультур российской эмиграции; историографический факт (конструкт) эмигрантской историографии;

- компонент (в форме ценностей, образов и суждений) исторической памяти современного российского общества.

Наша *рабочая гипотеза* заключается в следующем: для понимания произошедшей за сто лет трансформации представлений о белом движении и его идеологии недостаточно систематизировать и осуществить научное описание политических, экономических, социальных и культурных ценностей и установок, ментальных образов и дискурсивных конструктов, образующих ее содержательное единство, выявить степень их воздействия и эффективности непосредственно в период Гражданской войны, необходимо обратить самое пристальное внимание на процессы ее дальнейшей эволюции и конструирования, включения в национальный исторический нарратив и историческую память современного социума. Таким образом, для того чтобы разобраться в хитросплетениях идеологического дизайна российской контрреволюции необходимо, с одной стороны, рассматривать его как долговременный процесс перетекания одной конфигурации идеологии в другую (идеология-программа – идеология-мировоззрение – идеология-миф), с другой – учитывать свойства и динамику тех воображаемых сообществ, которые были сгенерированы этими конфигурациями.

В период Гражданской войны и большевикам, и их противникам необходимы были новые политические технологии, благодаря которым можно было не только контролировать действия отдельных противников режима или оппозиционных партий, но и осуществлять надзор за настроениями населения в целом. Кроме того, эти технологии должны были позволять не просто массово воспроизводить господствующие идеологические установки, а сильнее, чем прежде, воздействовать на людей, изменяя их политические настроения.

По мнению американского историка П. Холквиста, после Февральской революции все новые правительства «претендовали на то, чтобы представлять не территорию, а проживающих на ней людей». Поэтому для «наиболее продуктивного вовлечения населения в нуж-

ную им деятельность государства нуждались в новой дисциплине, регулирующей мнения масс: в надзоре за настроениями населения» [2. С. 49]. Результатом становится новая для периода Гражданской войны в России (1918–1922) политико-административная практика – «осведомительная работа», включавшая «правильное» информирование населения и правительственных учреждений, надзор за общественными настроениями, меры агитационно-пропагандистского воздействия и культурно-просветительную деятельность в войсках.

В *организационном и институциональном отношении* – в течение лета 1918 – осени 1919 г. антибольшевистским правительствам Востока России (Временное Сибирское, Временное Всероссийское, Российское адмирала А.В. Колчака) удалось сформировать свой аппарат политической пропаганды и осведомления, включавший несколько центральных учреждений и сеть местных отделений. Используя в качестве своего инструмента главным образом периодическую и непериодическую печать, осведомительные органы развернули кипучую деятельность, направленную на идеиную мобилизацию населения восточных регионов страны на борьбу с большевиками.

Примечательно, что «для антисоветских движений осведомление о настроениях населения было такой же упорядоченной и организованной процедурой, как и для большевиков». Изучив архивные документы, П. Холквист сделал интересный вывод: «Антибольшевистские сводки до удивления похожи на свои советские аналоги». И та и другая сторона рассматривала население как «иерархию четко выделяемых “элементов”, построенную по принципу их предполагаемой политической благонадежности», они опирались «на одну и ту же морфологию политических движений, основанную на социальной теории репрезентативности». В частности, и красные, и белые «дружно обрушивались на “спекулянтов” и уповали на “более сознательные элементы” среди населения». Единственное различие между «белыми и красными специалистами по осведомлению» состояло, по мнению Холквиста, лишь в «ракурсе их взгляда на ситуацию» [3. С. 95].

В деле «доведения необходимой информации до населения» и организации культурно-просветительной работы формы и методы, применяемые антибольшевистскими правительствами, также напоминали те, что использовались советской стороной. «Пропагандируя свои идеи, основанные, в соответствии с политикой нового образца, на верховенстве народа и методике просвещения, – констатировал Холквист, – белые прибегали к мерам, которые по традиции связывают только с большевиками. Они использовали избы-читальни, укомплектованные газетами и брошюрами (изданными, естественно, информационными отделами), агитпоезда, агитпароходы, официальные газеты и журналы и даже агитационные пьесы и фильмы. Сходство между белыми и красными заключалось не только в том, что они широко использовали афиши и плакаты, но и в том, что эти плакаты были похожи друг на друга как по стилю, так и по содержанию» [Там же. С. 96].

Период наибольшей активности осведомительных органов Омского правительства приходится на весну–

осень 1919 г. В это время на передний край информационной борьбы с большевиками выходит «Русское общество печатного дела» (РОПД) («министерство пропаганды» белого Востока, или «Сибирский ОСВАГ») – учрежденное в начале мая 1919 г. акционерное общество, большая часть акций которого (2/3) фактически находилась в руках правительства. АО РОПД, во главе которого стояли видные общественные и политические деятели (часть из которых входила в Восточный отдел ЦК кадетской партии) – А.К. Клафтон, Н.В. Устрялов, Д.В. Болдырев, В.Н. Иванов, С.Б. Сверженский, ставило перед собой довольно амбициозные цели [4. С. 132–137]. «Агитация... искусство, – говорилось в одной из инструкций, – и с [этой] точки зрения она необъятна. Чем больше изобретательности, чем больше оригинальности и меньше рутины, тем агитация сильнее и скорее достигает результатов... Нас должен слышать слепой. Нас должен видеть глухой. А к ленивому мы должны пойти сами» [5. Л. 7].

Насколько же антибольшевистским силам удалось претворить эту установку в жизнь? Каково было соотношение объема пропагандистской работы (с учетом численности сотрудников, размеров финансирования, наличных ресурсов и возможностей, охватываемой территории) и ее эффективности? Какая часть периодических изданий Востока России работала на государственную пропаганду, воспроизводила и транслировала официальные установки? Каков был общий тираж пропагандистской продукции, и какая его часть доходила до целевой аудитории? В настоящее время на большинство этих вопросов у нас нет исчерпывающих ответов. Имеются только неполные, отрывочные данные. Известно, например, что за пять месяцев 1919 г. (с июня по октябрь) через сеть своих местных организаций Русское бюро печати (так с начала июня назывались информационно-пропагандистские подразделения АО РОПД) распространило среди войск и населения свыше 17 млн экземпляров различных пропагандистских изданий, включая 10 млн листовок и 1,8 млн брошюр. С 16 августа 1919 г. пресс-бюро того же РБП начало издавать «Нашу газету», рассчитанную на читателя «среднего развития». Причем ее издание должно было осуществляться одновременно в нескольких городах – Омске, Томске, Новоиколаевске. Наибольшего тиража газета достигла в октябре – 80 тыс. экземпляров. Всего же за август–октябрь 1919 г. было выпущено 4 629 600 экземпляров газеты [6. Л. 51 об]. Однако слабая организация доставки и распространения пропагандистской продукции, несогласованность действий с другими ведомствами (почта, телеграф, военные и местные органы управления) сводили на нет и эти, далеко не выдающиеся, усилия проправительственной печати [4. С. 236–238].

В *содержательном отношении* лидерам антибольшевистского движения необходимы были новые формулы самоидентификации конструируемой ими макрополитической общности, новый объединяющий всех противников большевиков нарратив. Идея «национального» казалась идеологам антибольшевистского движения вполне конкурентной. Ресурсами для конструирования воображаемого сообщества, воодушев-

ленного «национальной идеей», выступали общий враг – большевики, единое пространство языка и культуры, общее героическое прошлое (историческая память), а в качестве основных инструментов использовались печатное слово и политическая пропаганда. Анализ пропагандистских материалов позволяет выделить «нарратив возрождения» – ключевой для восточной контрреволюции идеологический конструкт, сюжетно оформленное повествование, предлагавшее связную картину освобождения страны от большевиков, а также базовые для антибольшевистского движения ценности.

«Все наши попытки возродить Россию окажутся тщетными, – говорилось в передовой статье “Наше исповедание веры”, напечатанной в первом номере “Отечественных ведомостей” осенью 1918 г., – если мы не установим незыблемо исходных точек нашей мысли и единой верховной цели наших стремлений; если будем служить отечеству “постольку – поскольку”; если будем хромать на обе ноги, не зная, какому богу кланяться: России или революции? В качестве органа национальной и государственной мысли мы ставим своей целью внедрить в общественное сознание “забытые слова”: Родина, Нация, Государство» [7].

Такой подход разделялся и другими периодическими изданиями, прежде всего кадетскими, а также формально «беспартийными». «Старые партии уничтожены ходом событий, – писала в начале 1919 г. омская “Сибирская речь”. – Для новых – не пришло еще время. Сама действительность, грозная, как смерть, повелевает русским людям сплотиться на защите простейшего и самого главного. Этим простейшим и самым главным является единая, неделимая, внешне свободная, независимая Россия, восстановление порядка внутри государства и создание пока первичных условий общественного сожительства русских людей в своей стране. Поэтому мы будем призывать наше общественное мнение к напряженной государственной дисциплине и к объединению всех русских вокруг общего русского национального дела» [8].

Организуя свой пропагандистский, осведомительный аппарат и выстраивая основные линии идеологической работы, Российское правительство адмирала А.В. Колчака использовало эти сформулированные органами «национальной и государственной мысли» идеологемы. В итоге «разрушающему воздействию большевистской идеологии», основанной на лозунгах «интернационал, коммунизм, государство – рабочий союз и диктатура пролетариата», была противопоставлена своя система ценностей, базовыми для которой являлись: «религия, *нация*, собственность, правовое государство и Учредительное собрание» [6. Л. 54].

В передовой статье первого номера газеты «Русское дело» ведущий идеолог и один из руководителей Русского бюро печати Н.В. Устрялов так охарактеризовал идейное противостояние «красных» и «белых»: «Вместо интернационала – *нация*. Вместо класса – Родина. Вместо коммунистической общины – правовое государство на основе национальной демократии. Вместо мертвой и принудительной религии механизма – живая жизнь в духе, в свободе. Вместо всеобщего

принудительного уравнивания – иерархия ценностей. Вместо пролеткульта – культура. Вместо бесшабашного политического футуризма – чувство преемственности, традиции, сознания связи с прошлым, с настоящим» [9].

Основной смысл произошедшего в лагере противников большевизма «пересмотра идеологии» Устрялов видел в том, что «он возвращает русскому народу Россию», отвергая революцию, носившую «принципиально антинациональный» характер. «Мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, – говорилось в воззвании “К населению России” летом 1919 г., – которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания» [Там же].

Такова была ближайшая перспектива – сплотить всех, «кто любит Родину, кто истинный, искренний друг народа». Антибольшевистское движение как сплоченную гражданскую Нацию еще предстояло сформировать, сконструировать. Этот проект объединил усилия политического руководства государственных образований Востока России, интеллектуальных элит в лице той части интеллигенции, которая поддержала антибольшевистское движение, и институтов политической пропаганды. Пресса являлась в тот период наиболее распространенным каналом передачи информации, а также одним из важнейших инструментов воздействия на общество. В условиях же отсутствия у Омского правительства прочного идеологического фундамента государственная печать Востока России представляла собой одновременно многомерное поле идеологического производства, пропагандистской репрезентации и борьбы за гегемонию в дискурсе. Во многом именно на страницах прессы официального направления в оперативном режиме шло формирование идеологических смыслов и ценностей антибольшевистского движения: через осмысление политического и исторического опыта к концептуализации ключевых идеологием и трансляции пропагандистских установок.

Широкое понимание антибольшевистского движения, объединявшего как те «государственно мыслящие элементы», кто уже сделал осознанный выбор в пользу борьбы с «гибельным для русских самодержавием народных комиссаров», так и тех, кто в силу различных обстоятельств пока еще не определился, но обязательно окажется на «правильной» стороне, давало основание политической пропаганде Омского правительства позиционировать его как «русское национальное дело, как сплотившуюся единую Нацию, выступившую против большевизма. Борьба с «врагами народа и государства Российского – большевиками» – представлялась своеобразным актом творения новой макрополитической общности, сообщества граждан, которые независимо от их этнической принадлежности совместными усилиями создают новое государство, тем общим делом, которое сплотит всех русских как гражданскую Нацию. Пафос и риторика *национального* были противопоставлены пафосу и риторике *социального* (классового) [10. С. 80–82].

Так же как в Европе XIX в. появление наций возвращало осмысленную и понятную картину мира, утраченную с упадком династического государства и кризисом религиозного сообщества [11. С. 51–68], в России идея Нации-государства призвана была вернуть целостное мировосприятие, разрушенное с падением империи.

По мнению В.В. Журавлева, «российская контрреволюция в период гражданской войны не может быть признана ни законченной доктриной, ни движением без всякой доктрины», а «осталась неосуществившейся возможностью доктрины. С этой точки зрения, – отметил он в аннотации к своему докладу на состоявшемся в конце лета 2020 г. симпозиуме “Идеология: ревитализация концепта в исторических исследованиях”, –одновременно и синхронными компонентами динамичной идеологической системы антибольшевизма, и диахронными стадиями ее развития выступают такие черты, как активизм, непредрежденчество и вождизм. При этом именно культ вождя выполнял функции несущего элемента идеологической системы, позволял выражать скрытые смыслы внутренне противоречивого мировоззрения» [12. С. 12].

Однако в краткосрочной перспективе (логике Гражданской войны) антибольшевистское движение, предложенная им государственная модель, его идеология и пропаганда потерпели сокрушительное поражение. При этом, став заложниками собственных схем и представлений, сконструировав воображенное «антибольшевистское движение» как восставшую против большевистской тирании русскую Нацию, они с ужасом обнаружили, оказались разочарованы отсутствием реальной поддержки и социальной опоры. Власть держалась линии железных дорог, а ее мобилизационная база ограничивалась мужским населением подконтрольных городов и беженцами.

Кроме того, мы отчетливо видим, что то ускользание «идеологии» (и от взгляда современника, и от исследователя), о котором мы говорили в самом начале статьи, проявляется уже *на этапе формирования, артикуляции ценностно-смысловой основы антибольшевистского движения* в контексте самой Гражданской войны. Прежде всего необходимо понимать, что идеология антибольшевистского движения в период Гражданской войны носила незавершенный характер. Дело в том, что, формируясь из социально-политических концепций и программных установок поддерживающих его партий, течений и социальных групп, ценностно-смысловая основа антибольшевистского движения не была зафиксирована в конвенциональных для всех ее сторонников канонических текстах, а оказалась рассеяна по множеству политических деклараций, воззваний, публицистических статей и пропагандистских брошюр, представляя собой несколько конкурирующих и взаимодополняющих дискурсивных потоков. Поэтому при реконструкции ее семантики оказывается довольно сложным зафиксировать значение даже ключевых концептов.

Кроме того, идеология антибольшевистского движения не предлагала своим сторонникам простую, понятную и привлекательную программу действий,

как это делали их противники, скорее, она задавала определенные границы воображаемого сообщества, объединенного верой в абстрактные ценности, избранностью и жертвенностью. Также довольно сложно определить, что в установках, мировоззрении, программе участников антибольшевистского движения относится к «идеологии», а что нет; что в текстах является фиксацией консолидированного мнения («общественным»), а что – выражением личной точки зрения.

Как верно заметил А.С. Пученков, «дать какое-то однозначное определение идеологии колчаковского режима чрезвычайно трудно: не следует забывать о том, что мы говорим о режиме военной диктатуры, существующем в условиях Гражданской войны, – это не могло не накладывать на власть А.В. Колчака особую отпечатку». «Оперировать такими категориями, как “буржуазный”, “либеральный”, “националистический”, в этой ситуации, – пояснил он, – крайне затруднительно. Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы» [13. С. 6]. И если с первым утверждением вполне можно согласиться, то второе вызывает серьезные возражения.

Следует учитывать и то обстоятельство, что кроме самых общих установок идеология антибольшевистского движения даже в пределах Востока России имела локальную и временную специфику, что, в свою очередь затрудняет субъектную привязку. Кто является ее носителями? Политические партии, надпартийные организации, отдельные участники движения или антибольшевистские государственные образования в целом?

С окончанием Гражданской войны идеологическое противостояние большевиков и их противников не закончилось, оно изменило формы и скорректировало содержание. Сама миссия русской эмиграции виделась ее духовным лидерам именно в проявлении непримиримости к большевистскому режиму и его идеологии. «Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, – провозгласил И.А. Бунин в своей знаменитой речи в 1924 г., – что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия» [14. С. 153].

Именно в это время идеология антибольшевистского движения сформировалась – или даже была сконструирована – в своем более или менее целостном виде. При этом русские философы-эмигранты придали ей и ее приверженцам идеалистически-романтические, героические и в значительной мере подвижнические черты. «При всем различии взглядов и теоретических концепций П.Б. Струве и И.А. Ильина, – отмечает А.Ю. Вовк, – они схожи в оценке причин революционных трагедий в России и экономических, социальных, политических катаклизмов в капиталистических странах как проявлении духовного кризиса, поразившего мировое сообщество в конце XIX в. В силу этого борьба с большевизмом, в том числе и в русле белого

движения, они рассматривали как духовный подвиг людей, сделавших выбор в борьбе добра со злом, проигравших на одном из этапов исторического развития, но не утративших перспективу преодоления зла в будущем... П.Б. Струве и И.А. Ильин внесли решающий вклад в формулирование идей и задач Белого движения за рубежом» [15. С. 18].

Свою роль в становлении и развитии героического мифа белого движения сыграли воспоминания его участников, исторические исследования и публицистика. Так, известный историк-эмигрант Н.П. Полторацкий, проанализировав политические программы А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, пришел к заключению, что «белое движение было реакцией духовно здоровых сил страны на национальное, государственное, политическое и культурное разложение и падение, связанные с революцией и насильственным захватом власти большевиками-ленинцами, развязавшими в России гражданскую войну» [16. С. 303]. Он считал, что по своей идеологии белое движение не являлось помещичье-буржуазным, поскольку не стремилось к реставрации монархии и старого режима вообще. Заявлять же обратное, по мнению Полторацкого, «значит или демагогически искажать действительное положение вещей, или заблуждаться, или, наконец, выдавать часть за целое» [Там же].

Особое значение историк придавал понятию чести как одной из основных духовных ценностей, вдохновлявших участников белого движения. Причем «честь» Полторацкий понимал в широком смысле. «Как неоднократно отмечалось, – подчеркивал он, – если бы Россия тогда не ответила белым движением на революцию и насильственный захват власти большевиками, честь России и русского народа была бы погублена, они были бы обесчещены навсегда. Честь эта была спасена тем, что среди массового развала и духовного онемения из самых различных слоев народа сразу же выдвинулось героическое и жертвенное меньшинство, готовое до смерти отстаивать не эгоистически-личные или классово-корыстные материальные интересы, а сверхличные религиозные, патриотические, государственные и культурные ценности» [Там же. С. 301].

Благодаря этой и множеству подобных работ российской эмиграция становится своеобразным сообществом памяти, для которого воспоминания о совместном участии в Гражданской войне служили основой самоидентификации. Именно в эмигрантский период «белая идея» приобретает завершенный характер. Собственно, та идеология антибольшевистского движения в своем первоначальном, характерном для Гражданской войны варианте на этапе осмысления Гражданской войны и ее мемориализации, встраивания в историческую память, вновь начинает ускользать.

Социально-экономический и политический кризис, в котором оказался СССР к началу 1990-х гг., пробудил общественный интерес к альтернативным моделям общественного развития, в том числе и к идеологическому наследию антибольшевистского движения, что способствовало его окончательному закреплению в исторической памяти российского социума. Ценность предлагаемой в свое время большевиками действенной

социальной и экономической программы девальвировалась, и на первый план вышли миф, символ, ритуал и эстетика белого движения, которые в новой ситуации не отталкивали, а притягивали массовую аудиторию.

Подведем итоги. Для реконструкции и понимания той модели, посредством которой сторонники и последователи антибольшевистского движения воспринимали, осмысливали и интерпретировали окружающую действительность, в настоящее время наиболее перспективным становится объединение двух тематических полей – «идеологии» и «памяти» в рамках одного исследования. Такой подход к решению заявленной проблемы, во-первых, дает возможность преодолеть традиционное структурно-функциональное

понимание идеологии антибольшевистского движения, рассматривая ее как динамически развивающуюся систему. Во-вторых, позволяет проследить устойчивые модели, риторические стратегии, повторяющиеся схемы аргументации, использовавшиеся для позиционирования антибольшевистского движения в разных исторических и социокультурных контекстах. В-третьих, – прояснить специфику дискурсивного конструирования воображаемых сообществ применительно к конкретной исторической ситуации, выявить и дать комплексную оценку инструментов и механизмов инкорпорирования идеологических конструктов в практики и траектории формирования памяти региональных сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. 144 с.
2. Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период. Самара : Самарский ун-т, 2001. С. 45–93.
3. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. науч. colloквиума. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–102.
4. Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 268 с.
5. К вопросу об организации агитации // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 27. Л. 4–7.
6. Краткий отчет о деятельности Русского бюро печати за июнь–октябрь 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 47–54 об.
7. Наше исповедание веры // Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1918. 8 окт.
8. Наш манифест // Сибирская речь (Омск). 1919. 1 (14) янв.
9. Устрялов Н. Русское дело // Русское дело (Омск). 1919. 5 окт.
10. Шевелев Д.Н. Антибольшевистское движение востока России как воображаемое сообщество // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (8–9 ноября 2018 г.) Новосибирск : Новосиб. Православная духовная семинария, 2019. С. 78–83.
11. Андерсон Б. Воображаемые сообщества : размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
12. Идеология: ревитализация концепта в исторических исследованиях : асерос. симпозиум, 20–21 августа 2020 г. : (программа). [Б.м.], 2020. 19 с.
13. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–8.
14. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М. : Наследие, 1998. С. 148–157.
15. Вовк А.Ю. Идеологи белого движения в Русском Зарубежье: И.А. Ильин и П.Б. Струве : автореферат дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2011. 19 с.
16. Полторацкий Н.П. «За Россию и свободу...»: идейно-политическая платформа Белого движения // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 280–305.

Dmitriy N. Shevelev, Tomsk State University. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru

REVIVING THE NATIONAL IDEA: IDEOLOGY OF THE ANTI-BOLSHEVIK MOVEMENT IN EASTERN RUSSIA IN INSTITUTIONAL, DISCURSIVE AND COMMEMORATIVE DIMENSIONS

Keywords: Civil War; anti-Bolshevik movement; Russian government of Admiral A.V. Kolchak; ideology; historical memory.

The recent 100th anniversaries of the Russian Revolution and the beginning of the Civil War have shown an urgent need for the formation of a holistic scientific understanding of this historical era, the expansion of the research field, and the emergence of new aspects, including the research of the Russian anti-Bolshevik's political history. The ideology of the anti-Bolshevik movement is a special symbolic universe, an integral socio-cultural sign system, a historically established explanatory model that gives meaning to the collective actions of its supporters. It was this ideology that predetermined and set out the direction of the internal and foreign policies of the state formations of the Russian White East. At present, the anti-Bolshevik movement's ideology continues to influence modern Russian society through the tools of historical memory.

The purpose is to present and substantiate a new approach to the research of the anti-Bolshevik movement's in the east of Russia, combining the reconstruction of the content, forms and practices of its representation, characteristic directly of the period of the Civil War (1918–1920), as well as identifying the features of its further construction and transformation into a historical memory component and identity discourses in Russian society in the first decades of the 21st century.

The author pays attention to an important circumstance: the ideology and propaganda of the anti-Bolshevik movement in some cases turned out to be surprisingly helpless and ineffective, in others - quite effective. The White Army lost when an attractive and viable social project was required, and won when the value, symbolic and aesthetic components of their ideology came to the fore, when the ideology-program was replaced by the ideology-myth.

The author concludes that currently the most promising is the unification of two thematic fields – "ideology" and "memory" in one study.

Firstly, it makes a possible to overcome the traditional structural and functional understanding of the anti-Bolshevik movement's ideology, considering it as a dynamically developing system. Secondly, it allows us to trace stable models, rhetorical strategies, and repetitive argumentation schemes used to position the anti-Bolshevik movement in different historical and sociocultural contexts. Thirdly, it helps to clarify the specifics of the discursive construction of imaginary communities in relation to a specific historical situation, to identify and provide a comprehensive assessment of the tools and mechanisms for the incorporation of ideological constructs into the practice and trajectory of the regional memory formation.

REFERENCES

1. Lodyzhensky, A.A. (1984) *Vospominaniya* [Memories]. Paris: A.A. Lodigensky.
2. Holqvist, P. (2001) "Osvedomlenie – eto al'fa i omega nashey raboty": nadzor za nastroyeniyami naseleniya v gody bol'shevistskogo rezhima i ego obshcheevropeyskiy kontekst ["Intelligence is the alpha and omega of our work": monitoring the mood of the population during the Bolshevik regime and its pan-European context]. In: David-Fox, M. (ed.) *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period* [American Russian Studies: Milestones in the Historiography of Recent Years. Soviet Period]. Translated from English. Samara: Samara State University. pp. 45–93.
3. Holqvist, P. (1999) Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914–1921) v evropeyskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context]. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna* [Russia and the First World War]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 83–102.
4. Shevelev, D.N. (2017) "Rol' pechatnogo slova v sovremennoy voyne ne men'she puli i shtyka...": osvedomitel'naya rabota antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii ["The role of the printed word in modern warfare is not less than that of a bullet and a bayonet ...": the informative work of the anti-Bolshevik governments in eastern Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
5. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *K voprosu ob organizatsii agitatsii* [On organizing campaigns]. Fund R-4626. List 1. File 27. pp. 4–7.
6. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Kratkiy otchet o deyatelnosti Russkogo byuro pechati za iyun'–oktyabr' 1919 g.* [Brief report on the activities of the Russian Press Bureau for June – October 1919]. Fund R-341. List 1. File 61. pp. 47–54 ob.
7. *Otechestvennye vedomosti (Ekaterinburg)*. (1918) Nashe ispovedanie very [Our confession of faith]. 8th October.
8. *Sibirskaya rech' (Omsk)*. (1919) Nash manifest [Our manifesto]. 1st (14th) January.
9. Ustryalov, N. (1919) Russkoe delo [The Russian Cause]. *Russkoe delo (Omsk)*. 5th October.
10. Shevelev, D.N. (2019) Antibol'shevistskoe dvizhenie vostoka Rossii kak voobrazhaemoe soobshchestvo [Anti-Bolshevik Movement of the East of Russia as an Imaginary Community]. *Grazhdanskaya vojna: mnogovektornyy poisk grazhdanskogo mira* [Civil War: A Multi-Vector Search for Civil Peace]. Proc. of the Conference. November 8–9, 2018. Novosibirsk: Novosibirsk Orthodox Theological Seminary. pp. 78–83.
11. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole.
12. Anon. (2020) *Ideologiya: revitalizatsiya kontsepta v istoricheskikh issledovaniyakh* [Ideology: Revitalization of the Concept in Historical Studies]. Program of the Conference. August 20–21, 2020. [s.l., s.n.].
13. Puchenkov, A.S. (2018) "The Kolchak regime was based on the main ideological component — anti-Bolshevism, which in those conditions did not need additional clarification of the political program ...". *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series «Society. History. Modernity*. 4. pp. 5–8. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9
14. Bunin, I.A. (1998) *Publitsistika 1918–1953 godov* [Journalism 1918–1953]. Moscow: Nasledie. pp. 148–157.
15. Vovk, A.Yu. (2011) *Ideologi belogo dvizheniya v Russkom Zarubezh'e: I.A. Il'in i P.B. Struve* [Ideologists of the White movement in the Russian Diaspora: I.A. Ilyin and P.B. Struve]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
16. Poltoratsky, N.P. (1991) "Za Rossiyu i svobodu...": ideyno-politicheskaya platforma Belogo dvizheniya ["For Russia and Freedom ...": the ideological and political platform of the White movement]. *Russkoe proshloe*. 1. pp. 280–305.